

Я предпочла бы клетку, лишь бы оказаться там, внутри...

ПТИЦЫ И ЛЮДИ

КОЛЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

ДЕБЮТ

СЕГОДНЯ МЫ представляем произведения участников ежегодного городского конкурса «Дебют» центра дополнительного образования детей и юношества «Эго».

На этой страничке проза ребят младшей и старшей возрастных групп. Все они добились успехов в литературе. Алексей Коваль, участник «Дебюта-2004», запомнился читателям «ММ» прекрасной прозаической полосой лирических и философских миниатюр, семнадцатилетней Ольге Довженко, студентке МГТУ, «Дебют-2008» еще предстоит, и, судя по ее рассказу, будет успешным. Егору Черкасову всего десять лет, у него все еще впереди, но первые шаги в прозе у него успешны, и на только что прошедшем городском состязании «Серебряное перышко-2008», которое проводило управление образования города, в своей возрастной группе он был первым.

Колокол больше не беспокоил

Привычный быт забытой деревни изменился утром прохладного лета. Жизнь текла неторопливо. Сердобольные старушки, коих немного осталось, лузгали тыквенные семечки, сидя в расколотой беседке, что стояла рядом с обмельчавшим прудом. Леса, некогда богатые грибами и ягодами, теперь пустыми стали окрест, а заходить вглубь люди не решались – робели перед диким зверем. Деревня умирала, старики доживали срок, молодежь не оставалась, и только проезжих становилось больше. Доходило до поджогов, чтоб выкупить чью-то землю. Проточный ручей, в котором еще лет пять назад водилась рыба, помертвел, заваленный консервными банками, пустыми бутылками и другим мусором. «Барский» пруд, как его называли старики, наполовину зарос тиной, постепенно превращаясь в болото, перестали водиться в нем большие усатые раки, а примыкающее к подлеску поле неожиданно топким стало...

В нескольких верстах от деревни на невысоком холме стояла белокаменная церковь. Маленькая, больше похожая на часовню, была она еще с советских времен позабыта, заброшена. Обступили ее деревья-великаны, заслонили церковь от взоров. Только деревянный купол как будто застыл в воздухе, отрешившись от всего земного. Ныне потрепанное временем и природой строение тянулось к небу, словно прося у него защиты. Укрылась церковь от лихолетья паранджой зеленой сочной листвы...

...Вдруг со стороны леса донеслись звуки набата. Все громче и громче. Звук этот то к Богу, то к людям летел. Деревня проснулась. Высыпали из красивых домиков на улицы заспанные дачники, старики, крестьяне, спрашивали друг друга: «К чему же это? К чему?»

– Набат, набат! – кричали люди, кто-то бежал напрямик, через лес.

Старушки, шамкая сухими бледными губами, упрямились знакомых дачников, имеющих машины, подвести до ручья. Кто-то говорил, что это ветер. Но в этих краях ветра сильного не бывало – слишком много гор вокруг. А тот ветерок, который иногда сюда заглядывал, разве мог раскачать тяжелый колокол до такого мощного набата?

Непривычная пустота закралась в души людей. Всегда такой приветливый, знакомый лес вдруг пахнул сыростью, вековой скорбью. И внезапная тишина после умолкнувшего звона показалась еще более страшной, чем раскатистый, гулкий набат.

Собравшийся народ в недоумении смотрел на колокольню – лестницы не было и нельзя было к колоколу подняться, чтоб до такого звона раскачать. Смотрели люди на потемневшие от времени купола. Губы многих шевелились, твердя слова молитвы.

Прошли дни, недели. Некоторые стали приходить в церковь и зажигать у сохранившейся фрески с потемневшим ликом Серафима свечи. Молчала деревня, словно обрела что-то новое, очень дорогое, обрела благодать Божью.

Шло время, и позабыли о том страшном дне, когда набат гремел. Пролетело лето, миновали спасы яблочный да медовый... Никто о восстановлении церкви не заговаривал. Так, две-три бабушки ходили перед потемневшими образами постоять, с Богом тишину церковную разделить. А остальные снова сердцем ослепли, о знаменити не говорили, не вспоминали. Словно не были свидетелями, как последняя надежда рванулась ввысь набатом мертвой церкви, как звон просил у Бога за их очерствевшие души.

...Кто видел монаха, идущего ниоткуда? В пыльных одеждах, седой, с горькой складкой у бледных губ, остановился он у порога церковного, склонился, поцеловав святую землю. Монах этот вошел в дом Господень, встал на колени перед ликом Серафима и долго читал молитвы. Тогда гром грянул с неба, завыл ветер и вновь грянул набат. Завыл отчаянно страшно и надрылся колокол всю ночь до первых жаворонков. А потом что-то ухнуло гулко, и гроза стихла.

Колокол больше не беспокоил.

АЛЕКСЕЙ КОВАЛЬ.

Стоять на карнизе совсем даже неудобно. Особенно когда он узкий, пыльный и открыт всем ветрам. Постоянно сносит, приходится скрестись об него когтями и переставлять лапы. Это для людей у нас лапки – кому-то они, видимо, кажутся маленькими и изящными. На самом деле это просто лапки – большие и неуклюжие. Вот крылья – другое дело. Единственное, что отличает нас от людей. Но надо уметь ими пользоваться. Я умею. Хотя не это отличает меня от других птиц. Многие из нас умеют, некоторые даже намного лучше меня... Не в этом дело. Дело в том, что у меня есть он. Тот, на чьем карнизе я сейчас пытаюсь удержаться. Но это, повторюсь, очень неудобно.

Правда, он не знает о том, что он у меня есть. Не знает, что я все время рядом, не знает, что я наблюдаю за ним каждую минуту, не знает, что я готова даже стоять на этом скользком карнизе, только чтобы видеть его. Вот как сейчас.

Иногда он замечает меня, но смотрит как-то сквозь... А все потому, что он – художник, Который Всю Жизнь Пишет Одну Картину. Пишет, рвет, выбрасывает, потом снова пишет и снова рвет...

Там, на картине – женщина. Наверное, она красива, я ведь до сих пор не знаю, что это такое – быть красивой. Видимо, что-то важ-

ное, раз люди придают этому такое значение. И когда я бьюсь клювом о стекло, он видит меня и мечтает о ней. Но мне совсем не больно от этого. Совсем не больно. Потому что ни один человек в здравом уме не будет прорисовывать на холсте каждое перо птицы, как он один за другим воссоздает все изгибы тела этой женщины. Тем более, он не будет думать об обладательнице этих перьев. Ну а в это человеческое слово «мечта» мне точно не попасть. Никогда. Но ведь мне же совсем-совсем не больно... Я призывала, что мое место в жизни Художника – карниз его окна.

Обычно стены его комнаты увешаны набросками, которые не постигла участь быть уничтоженными их создателем. Но сегодня необычный день, сегодня все по-другому. Набросков почти нет, а на мольберте – готовый портрет. На него хочется смотреть снова и снова. Очень может быть, что это и называется «красиво»... Я даже стала чувствовать себя как-то по-рыбьи, потому что не могу издать ни звука. Хотя какая разница, ведь Художник все равно не услышит.

Женщина на картине запрокидывает голову вправо и немного назад. И вроде бы она совсем печальна, но глаза улыбаются. И где бы ни был Художник, эти глаза улыбаются ему... Все-таки он настоящий мастер.

Мои надежды и желания

ОТКРОВЕНИЯ

Про меня

Меня зовут Егор. Моя фамилия Черкасов. Мне десять лет. У меня нет любимого блюда. Для меня они все равны. Но одно из исключений – жареная курица.

Про времена года скажу то же самое. Но маленькое исключение – зима. Я ее люблю.

Мое хобби – писать рассказы, сказки и редко – стихи. Вы, наверное, спросите – почему?

Потому, что у меня в голове много фантазий. У меня их слишком много, и они теряются. Поэтому мне надо переводить их на бумагу. Но это и правильно.

Самые мои любимые виды спорта – футбол и фехтование. Куда бы я хотел поехать? Хочу поехать в другой город – Санкт-Петербург.

Одно из моих слабых мест – меня укачивает в пути во время поездок.

Давайте еще раз вернемся к фантазии. Я бы мог нарисовать книгу с картинками. Но... Я вижу картину, закрыв глаза. Но это

картина, которую могут нарисовать только опытные художники. Мой любимый предмет – история. Я – гуманитарий.

У меня есть домашнее животное – кот. Сеня – так зовут его. Сверху морда черно-коричневая, внизу белая. Шерсть на морде как бакенбарды. Пузо белое. Передние лапы черные, а носочки на передних лапах белые. Задние лапы белые, а чернота как шорты. Хвост темный. Он в еле видную полоску. И на частях тела у него есть цвета: желтый, серый, зеленовато-серый. И еще много незаметных цветов. По характеру он очень добрый. Ах! Видели бы вы его!!

Мне летом купят собачку – йоркширского терьера. Собачку-девочку. Она маленькая, размером чуть больше книги. Шерсть до пола, темная. А на морде – желтая. Родом она из Англии. Собачка уравновешенная и не лает по пустякам. Ест мало, специальную вареную кашу. Выгуливать ее не надо, она ходит в миску. Сеню мы тоже не забудем.

Вообще, у меня много хобби, надежд, желаний в жизни! Правду говорю. Много!

Роза и шипы

Роза цвела на лугу. Хорошо было розе. И вдруг в один солнечный прекрасный день на розе начали расти пятнышки. И она назвала их шипами. Они беседовали друг с другом. Розе лучше было с шипами. А ночью она укрывала их лезвостками.

Вода и огонь

Жила Вода. И жил Огонь, и задумали они подражаться друг с другом, завоевать друг друга. И началась жестокая битва. Огонь хватал Воду горячими руками. Вода разбрасывала капли на огонь. Длилась битва не менее восьми минут. А потом враги отступили и поняли, что не смогут победить друг друга.

Море и звезды

Море вечером бушует. А на небе звезды. Море так старалось схватить звезды своей волной. Наконец схватило и начало баюкать, потому что звезды маленькие и не могли заснуть. А море успокаивало их, и они заснули.

Краски осени

Все краски природы интересны в разное время года. Я рас-

И вот теперь он неотрывно смотрит на нее.

И именно сейчас, когда главное дело Художника завершено, мне больше всего хочется защитить его. Защитить от нее, хотя этой женщины, конечно же, не существует, от ее взгляда, который, им созданный, его же и убивает, защитить от себя самого...

Ну я же кричу тебе: «Мастер, ее нет!.. А я – живая, я – настоящая. Ты так близко, а не можешь услышать моих мыслей...» Все-таки виновато это проклятое окно. Ведь это неправда, что главное для птиц – свобода. Я предпочла бы клетку, лишь бы оказаться там, внутри. Но окно всегда закрыто. И Художник закрыт для меня. Он открыт только для той, с портрета... Я умею ждать, но, чего я жду, я не знаю. Знаю только, что завтра снова прилечу сюда и снова меня будет ждать мой карниз.

... Уже издали видно было, что окно открыто. Его окно открыто! Я думала, этот день не наступит никогда...

С карниза – сразу на подоконник. Я сложила крылья, внутрь сразу толкнулось тепло его дома. Но в следующую секунду я забыла про все. Про бесконечное ожидание, про тоску, про все, что было раньше. А все потому, что мольберт был пуст. И не было ничего, что напоминало бы о нем, – ни кистей, ни палитры с красками, ни горы испорченных холстов... Неужели Художник понял? Понял, что все это зря, ее нет на самом деле и никогда, никогда не будет... И открыл окно... Мне?..

Он спал тут же. Только тихое дыхание, и все...

Я уже на его плече. Хочется разбудить его, но я буду охранять сон мастера. Я это заслужила. Я знаю, он не прогонит меня...

Какое-то движение – и его глаза открылись. И вдруг, рядом, она. Та, с картины... И голос – ее голос:

– Наверно, залетела случайно. Давай отпустим?

Ее руки взяли меня в охапку. Теплые, нежные руки. Он любит их, эти руки, и этот голос, и ее, ее любит... Ее...

А портрет... Вон он, в углу...

Она несла меня аккуратно, так, наверное, люди носят своих детей. Но все-таки случайно задела за раму, и одно перо – мое перо – спланировало на карниз. И совсем не больно...

На улицах города осталось мало прохожих, которые смотрели не только себе под ноги. И лишь немногие из них видели, как странно, даже не раскрывая крыльев, из окна падала птица. И никто не знал, что она такая одна. Потому что много людей, у которых есть птицы. А вот птиц, у которых есть люди...

ОЛЬГА ДОВЖЕНКО.

скажу про осень. Вы никогда не замечали, какие краски осени вечером? Еще не темно, но уже зажигают фонари и вот желто-оранжевый свет попадает на горящие шубы деревьев. Свет отскакивает, как будто искры в кузнице, где куют металл, или праздник-фейерверк. Попадает на красную листву – оранжевые искры, на оранжевую – ярко-желтые, на зеленую – желто-белые. А если попадет на лужи – то тоже желтые.

Загадка леса

Осень – она очень радостная и красивая. Она как бы хвалится своими премудростями и загадками. Когда входящий в лес, сразу хочется понять, что происходит. Желтый, красный, коричневый, зеленый цвета сливаются. И поэтому кажется – как будто качается радужная колыбелька. Огромные сосны так не похожи на деревья, а похожи на великанов, которые вот-вот возьмут и подбросят меня в голубенькое небо.

Ветки пни давно уже засохли. Ходишь по листве у низа деревьев, а сверху сыплются листья. Но мне кажется, что это уже падают снежинки. Все вокруг заснуло.

ЕГОР ЧЕРКАСОВ.